

в этих статьях отсутствуют). Статья Ф. Креватина о линейном А (с. 63—72) важна тем, что в ней излагаются наблюдения о возможной грамматике языка на основе большого числа вновь изданных текстов.

Сборник открывается вводной теоретической статьей Д. Сильвестри (с. 19—33), который в глоссематических и семиотических терминах формулирует идею сведения к единству языкового разнообразия древнего мира.

В заключительном библиографическом разделе напечатана заметка Сильвестри, посвященная плану критической аннотированной библиографии языковой предистории Евразии (с. 261—262), где, однако, предложенная рубрикация языков нуждается в перестройке в свете успехов генеалогической классификации языков Кавказа и других областей. Обзор К. Монтеллы (с. 263—276) посвящен современным теориям перевода в СССР, в частности, трудам И. И. Ревзина. Обзор К. Кристилли (с. 277—303), где рассматривается природа и социальная функция языка, в большой мере основан на разборе недавно переведенных на итальянский язык ранних трудов М. М. Бахтина.

В целом сборник при известной тематической пестроте читается с интересом и заставляет ждать его продолжения.

Вяч. Вс. Иванов

***Tischler J. Hethitisches etymologisches Glossar.
Mit Beiträgen von Günter Neumann.
Lief. 1 (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 20),
Innsbruck, 1977; Lief. 2. Innsbruck, 1979.***

Рецензируемый этимологический словарь хеттского языка по существу является первым опытом этого рода, потому что предпринятая несколько десятилетий назад аналогичная попытка А. Жюре была преждевременной и страдала полной некритичностью, а этимологические замечания в словаре хеттского языка И. Фридриха (и в его втором издании, осуществленном А. Камменхубер) эпизодичны и излишне кратки. Объявлено о скором начале издания нового словаря И. Пухвеля, который, судя по ряду предварительных публикаций, обещает быть оригинальным. Но пока что словарь молодого хеттолога И. Тишлера, предпринятый при участии выдающегося специалиста в области позднеанатолийских языков Г. Неймана, остается первым серьезным изданием. Хотя он доведен еще только до второго выпуска, о плане всего издания в целом можно судить по статье, в которой автор дает общий обзор всей хеттской лексики, по его мысли поддающейся этимологизации на основе индоевропейского¹.

Основным достоинством словаря является значительная подробность сведений библиографического характера: в нем учтена с достаточной (иногда, может быть, даже излишней, если речь идет обо всех упоминаемых и повторенных одной и той же этимологии) детализацией хеттоло-

¹ *Tischler J. Der indogermanische Anteil am Wortschatz des Hethitischen. — Hethitisch und Indogermanisch. Hrsg. von E. Neu und W. Meid. Innsbruck, 1979, S. 257—267.*

гическая и этимологическая литература последних пяти десятилетий, начиная с основополагающих трудов Б. Грозного. К сожалению, достоинство оборачивается недостатком: полнота касается только литературы на западноевропейских языках. Хеттологические и вообще этимологические работы на русском языке игнорируются, о чем уже приходилось писать в связи с этимологией хетт. *hardu* 'потомок', давно предложенной О. Н. Трубачевым, но Тишлером, оставляющим слово без объяснения (с. 189)², не учтенной. Число подобных примеров настолько велико, что словарь никак не может претендовать на полноту представления современных знаний хеттской этимологии. Конечно, этот дефект легко мог бы быть устранен (даже и в последующих выпусках), если бы автор привлек к сотрудничеству кого-либо из хеттологов или индоевропейцев, знакомых с соответствующей литературой.

Другая значительно более серьезная трудность заключается в характере и отборе лексического материала. За последние годы настолько продвинулось исследование древнехеттских текстов XVII—XVI вв. до н. э. (с возможным выделением в них значительно более древней литературы города Несы, сохранившейся в копиях) в их отличии от среднехеттских XV в. и новохеттских (XIV—XIII вв. до н. э.), что в настоящее время этимологизировать хеттское слово без учета характера текстов, в которых оно встречается, едва ли целесообразно. По существу любой новый этимологический словарь хеттского языка должен быть историко-этимологическим (если следовать названию замечательного труда В. И. Абаева), причем уже сейчас можно ждать весьма интересных результатов от подобного подхода.

В отдельных случаях этот подход принят и в рецензируемом словаре. В качестве показательного примера стоит отметить глагол *ḫališšiya-* 'оправить (драгоценным металлом)' (с. 28), встречающийся уже в самом раннем датируемом хеттском памятнике — надписи Анитты, принадлежащей еще к литературе города Несы (или к ее концу). Но по отношению к столь архаичным терминам следует прежде всего дать точный словообразовательный анализ: сама по себе форма 1 л. ед. ч. пр. вр. *ḫa-liš-ši-ya-ni-un* засвидетельствована только в двух новохеттских копиях надписи (соответствующая часть древнего оригинала разрушена) и уже по графическим причинам (употребление знака *-liš-*, в древнехеттском отсутствующего), должна считаться поздней; возможен более древний вариант **ḫališšienun*³, причем суффикс *-iya-* вторичен, как показывает первый инфинитив *ḫališšpanzi*⁴. Как давно уже предположено⁵, в глагольной

² Здесь и далее в тексте в скобках указаны страницы словаря.

³ *Neu E. Der Anitta-Text (Studien zu den Boğazköy-Texten, Heft 18). Wiesbaden 1974, S. 42, ср. о значении и написании с. 71, 85—86 (основное значение 'украшать предмет').*

⁴ Тексты (в том числе и неопубликованные), цитируемые Эттингером (*Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. — Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft, Bd. 64. Nürnberg, 1979, S. 28*), предполагающим в данной связи лувийское влияние (последнее не обязательно, но возможно по отмеченным ниже семантическим причинам), удостоверяют распространенность форм.

⁵ *Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 142, примеч. 13; ср. Он же. Славянский,*

основе *hali-šš-* целесообразно видеть один из архаических древнехеттских глаголов с суффиксом *-šš-*, восходящим к общеиндоевропейскому. В таком случае этимология сводится к определению наиболее вероятного соответствия для основы, от которой мог быть в дописьменный период истории языка образован глагол со значением 'украшать' (> 'оправить драгоценным металлом'); с индоевропейской точки зрения естественнее всего предположить связь с цветовыми обозначениями от *al-⁶* < **H₂el-* (ср. к семантике рус. *украшать*: *красный* и т. п.), ср. в анатолийском же лув. *hali-* 'чистота', *hal-ali-* 'чистый' (предполагавшееся ранее Оттенем сближение лувийского слова с семитскими словами типа аккад. *'ellu* относится к числу возможных раннеанатолийско-семитских времени Эблы или скорее еще более древних индоевропейско-семитских сближений⁷).

Таким образом, мало указать относительную хронологию того или иного хеттского слова в хеттских текстах (которые, если принять новую хронологию Меллаарта, простираются почти на тысячелетие). Нужно далее произвести словообразовательный анализ каждой формы и лишь после этого обосновать семантически каждую этимологию.

К положительным чертам рецензируемого словаря относится достаточно широкое привлечение хронологически наиболее древних (если не считать отдельных топонимов и личных имен в открытых за последние годы текстах Эблы середины III тыс. до н. э.⁸) письменных свидетельств

балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 208—209.

⁶ Pokorny I, S. 29.

⁷ Ср. к возможному раннему заимствованию семит. **'l-* 'пламя' как ритуального термина в индоевропейский: *Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения, I, с. 277 (соответствие 140). В этом плане особый интерес может представить эблит. *hali* как название первого (новогоднего) месяца древнего календаря Эблы середины III тыс. до н. э.: *Pettinato G. Il calendario semitico del 3 millennio ricostruito sulla base dei testi di Ebla. — Oriens Antiquus, 1977, v. 16, p. 257—285.*

⁸ Из них явно анатолийский характер носит *ha-šu-wa-anKI* (ТМ. 75. G. 20526, см.: *Pettinato G. Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Mar-dikh—Ebla. Napoli, 1979, p. 245 (№ 5571—5760)*, бесспорно тождественное по географическому местоположению др.-хетт. *Hašuwā* (буквально 'Царский' с общепризнанной общеиндоевропейской этимологией; любопытно, что название встречается как в Летописи Хаттусилса I, так и в древнейшей хеттской обрядовой песне, содержащей индоевропейское имя бога Пирвы, см.: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии, М., 1977, с. 41, 258, 314, а также и в использованных Тишлером староассирийских табличках, с. 87;) ср. также в Эбле *bar-ga-u₉KI* (ТМ. 75. G. 2233): хетт. *bar(g)u-* 'высокий' (< и.-е. **br̥ǵʰ-e/jou-*). К вероятным личным именам анатолийского индоевропейского типа относится в архивах Эблы *huhuli* (ТМ. 75. G. 1322; возможное сохранение более древней формы с полной редупликацией, ср. хетт., лув. *huḫa-* 'дед': лат. *avus* и суффикс *-li*, использующийся в анатолийском при образовании производных от имен родства). Лувийский характер совершенно несомненен по отношению к личному имени *Zi-ti* (ТМ. 75. G. 11118), лув. *zidi* 'мужчина' (часто используется в качестве собственного имени, как и в приведенном эблитском тексте, удостоверяющем, следовательно, бесспорные эблитско-лувийские связи во 2-й половине III тыс. до н. э.). При предварительности этих (и других подобных, по-видимому, включающих и индо-иранский материал) данных они мо-

о хеттском и лувийском языках, которые содержатся не в самих текстах на этих языках (из которых самым ранним датируемым является надпись Анитты, а недатируемыми — возможно значительно более древние другие образцы литературы Несе, к которым примыкает и упомянутый текст с названием города *Ḫaš(š)uwa* 'Царский'), а в староассирийских табличках из торговых поселений Малой Азии рубежа III и II тыс. до н. э. (прекрасное собрание части этих весьма многочисленных табличек хранится в Москве в Музее изобразительных искусств им. Пушкина; на некоторых из табличек нашего собрания отчетливо видны самые ранние образцы лувийской иероглифики⁹). Тишлер последовательно сопоставляет найденные в этих табличках ранние анатолийские типы собственных имен с именами, найденными в текстах I-й половины II тыс. из Нузи (с. 78, 86—88 и др.) (Сев. Месопотамия). Смешанный анатолийско-хурритский характер населения Нузи отчетливо проявляется в женских собственных именах, которые Тишлер тщательно собрал, но (при несомненном и им самим программированном стремлении прежде всего выявить индоевропейскую часть хеттского словаря) проанализировал только легко поддающийся этимологическому объяснению суффикс *-šar* < **-sor* в женских именах. Но оставшееся в словаре нераскрытым наибольшее своеобразие этих имен из Нузи состоит в том, что этот анатолийский суффикс присоединяется к хурритским основам: *ʿAšdua-šar* (хурр. *ašte* 'женщина', *ašt-u-ḫḫi* 'женский', в Нузи собственное имя *Ašdu* при соответствиях во всех северо-кавказских языках, хаттском и этрусском), *ʿAllie-šar* (хурр. *allai* 'дама, госпожа, богиня, королева', также женское собственное имя *Alli* в Нузи и других местах с хурритским населением), *ʿAmt-ašar* (хурр. *ammati* 'предок, прадед', ср. по отношению к богам *ammatina* 'древние, прошлые', переводимое хетт. *karuiliyeš* и греч. *πρωτεροι* у Гесиода в «Теогонии», имеющей хеттско-хурритский источник, ср. там же, строка 17, указание на то, что Эрис рождена 'раньше, прежде' — греч. *πρωτερον* = хетт. *karu*, — чем Ночь). Кроме женских собственных имен, где анатолийский индоевропейский суффикс присоединяется к хурритским основам, в Нузи встречаются и гибридные имена с обратным расположением частей: *Zid-ašdu* (ср. выше о лув. *zidi* 'мужчина', хурр. *ašdu* 'женщина'). Как представляется, детальный анализ подобных имен мог бы пролить свет и на характер смешанных браков и в целом этнической картины тех областей, где, как на Севере Месопотамии и на юге М. Азии, осуществлялся интенсивный хуррито-лувийский симбиоз. Любопытно, что этот материал содержится в словаре, автор которого решительно возражает против приращения к хеттскому языку понятия «смешения языков».

Особую проблему для словаря (существенно облегченную благодаря деятельности ученого в нем Г. Неймана) представляет привлечение постоянно вновь открываемого материала позднеанатолийских языков. При обосновании этимологии хетт. *ḫumant-* 'весь', сближаемого Тишлером

гут иметь существенное значение для определения времени нахождения носителей древних индоевропейских диалектов вблизи Сев. Сирии.

⁹ См. об этом подробнее в написанной рецензентом главе: Зачатки исследования языка у хеттов. — В кн.: История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.

(с. 285, ср. на с. 87 о *Ḫuta(n)i-ašū* в староассирийских табличках; удостоверяющих древность формы с возможным отражением назализации гласного типа иероглифического лувийского) с лат. *omnis* (как это недавно предложили и Шмальштиг¹⁰), Тишлер предлагает и отождествление хеттского слова с лик. *kīmētē*. Действительно, в ликийско-греческо-арамейской трилингве, недавно образцово изданной в ликийской части Ларошем, находим соответствия: лик. *se-ñte-ñte-kīmē seyeti* θε stati-teli = греч. καὶ ὅσον πρὸς τῶ ἀρχῆ τὰ οἰκῆματα 'и все то, что прибавлено и столь' построено на поле — дом (домовое хозяйство)' (16—17); лик. *hāti-kīmētis* = греч. ὅσοι ἄν γέγονται 'все те, кто будут (освобождены)' (21); лик. *[kīm]mē* = греч. ὅσα 'все то' (31). Как поясняет Ларош, «понятие обобщающего относительно-неопределенного местоимения (греч. ὅσος) передается *kīmētis*; корень *kīmētē*-, ср. р. *kīmētē*»¹². В качестве историко-фонетического комментария к своему открытию Ларош, обычно отличающийся исключительной краткостью выводов, добавляет, что в лув. **kumant-* > лик. *kīmētē*- он видит развитие редкой лувийской глухой взрывной фонемы, обозначаемой графически посредством *ku*¹³. Чередование *ku-/hu-* в клинописном и иероглифическом лувийском засвидетельствовано большим числом примеров (включая лув. клин. *kuwaya-* 'бояться', иер. лув. *hwa-s-*, только начальной сонорной фонемой отличающееся от семантически близкого глагола, дающего арм. *erk-* при следе лабиализации, но другом алауте в греческом) и может быть возведено к глубокой древности, судя по написанию некоторых анатолийских топонимов в текстах Эблы. Поэтому возникает вопрос: если принять реконструкцию **q^wm-e/ont-*, имплицитно предлагаемую Ларошем, не следует ли видеть в этой форме и ключ к предистории загадочного соответствия греч. πλντ-: тох. А *pont-* (в супплетивном чередовании с *ruk-*, давно заставлявшем предполагать исходное **k^w-*), В *ro-nt-*, отлож. п. ед. ч. *rot-er*. Представляется возможным, что (как в общиндоевропейском названии земли) анатолийские и в меньшей степени тохарские языки сохранили следы древнего начального комплекса согласных, возникшего при редукции корневого гласного, тогда как греческий (где древнее **q^w*, очевидно, совпало перед гласными переднего ряда и согласными с **k^w* > π- в послемикенский период в отличие от тох. р, которое объясняется более сложным лексически ограниченным¹⁴ процессом: тох. А *-re* 'и' < **k^we*, *-pi* < **-k^wi* в сложных числительных на **k^wi* типа лат. *quinque*, ср. загадочное соотношение *k^w-p* в целом ряде кельто-италийско-германских слов типа названий волка и числительного 'пять') изменяет **q^wm-* > **p-* > π-. В таком случае лат.

¹⁰ *Schmalstieg W. R. Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park and London, 1980, p. 40.*

¹¹ Попытка передать своеобразную ликийскую синтаксическую структуру (см. о ней: *Laroche E. L'inscription lycienne. — In: Fouilles de Xanthos t. 5. Paris, 1979, p. 68—70*), ср. с. 69, 74.

¹² Там же, с. 69—70.

¹³ Там же, с. 84.

¹⁴ См. о роли этого явления (доказанного обработкой большого диахронического материала на ЭВМ): *Wang W. S. Competing changes as a cause of residue. — Language, 1969, v. 45, p. 9—25; Idem. Language change. — Origin and evolution of language and speech (Annals of the New York Academy of Sciences, v. 280). New York, 1976, p. 61—72.*

om-n-is восходит к **q^wem-n-*, где тембр гласного *o* зависит от **q^w*, а хетто-ликийские формы (как и греческо-тохарские) отражают нулевую ступень огласовки корня. Можно думать, что сравнительно-историческая фонетика анатолийских языков в целом, когда она будет построена на достаточно надежном этимологическом материале (собрание которого, пусть еще весьма неполное, дает рецензируемый словарь), должна еще сильно повлиять на установившиеся в индоевропеистике представления; по-видимому, это же можно сказать и о тохарском, исследование которого подвигается с недопустимой медленностью; в частности, только сейчас начинает выявляться число и значение тохаро-анатолийских (тохаро-хеттских и тохаро-лувийских) изоглосс, часть которых, как и ряд других открытий самого последнего времени, и в словаре Тишлера еще не были учтены.

Наибольшее число пробелов словаря, обусловленное его заведомой и заранее автором афишированной индоевропеистической направленностью, касается заимствованной лексики, которая частично была воспринята из семитских языков и из шумерского через аккадский и в некоторых из этих случаев в словаре отмечена, но в наибольшей части проникла в хеттский из большой группы языков, к которой можно отнести современные северокавказские (абхазо-адыгские и нахско-дагестанские)¹⁵, хаттский и хурритский. В последнее время выявлено очень значительное число слов, проникших (большой частью еще в дописьменную эпоху) из этих языков в хеттский; отмечены и любопытные ареальные лексические сходжения с армянским и с картвельским (особенно сванским); часть последних, однако, может интерпретироваться и как ностратические архаизмы. Поскольку работа в этой области в основном ведется в нашей стране, представляется правомерным поставить вопрос об издании именно у нас такого подготовленного коллективом авторов историко-этимологического словаря хеттского, лувийского и позднеанатолийских языков, где наряду с гораздо более полным (по сравнению с рецензируемым словарем¹⁶) описанием наличного (и постепенно выявляемого в них) индоевропейского (а, возможно, отчасти и архаического ностратического) лексического фонда были бы полностью отражены все свидетельства многочисленных контактов хеттского и других анатолийских языков с языками смежных ареалов. Словарь Тишлера (как и начавший выходить Чикагский словарь хеттского языка и тезаурус А. Камменхубер) послужит необходимым подспорьем в этом труде, который нельзя откладывать ввиду его важности для индоевропеистики и кавказоведения.

Вяч. Вс. Иванов

¹⁵ Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. — В кн.: Древняя Анатолия. М., 1983.

¹⁶ Некоторые необходимые дополнения к нему (в плане индоевропеистики) уже отмечались в рецензиях на первые выпуски (в частности, в обстоятельной рецензии М. Поэтто). Однако в действительности словарь в основном лишь суммирует известные к началу его составления этимологии и поэтому нуждается в таких обширных дополнениях, перечисление которых вышло бы за рамки одной статьи.